Бейлиш пришел в небольшое раздражение. Даже к такому мелкому лорду, как он, обычно относились с немного большим уважением. Впрочем, учитывая нашу историю, я вряд ли собирался придерживаться формальностей. Кроме того, что он мог бы сделать в ответ - вызывать меня на дуэль?

"Что это значит?" — спросил он, снова впадая в апатию. — Она ушла, убежала с этим северным болваном.

И тут наступил момент, когда с глаз спала пелена, и я понял, что Петир сидит один в темной комнате, мечтает о какой-то девушке и жалеет себя. Причем живет так уже два года. У него не было абсолютно никого, кто мог бы просто нормально с ним поговорить.

Вот вам и средневековый феодализм. Ну, знаете, в такие моменты и рождаются гражданские войны.

Теперь мне нужно было решить, что я собираюсь с этим делать. Это потребует огромной осторожности, но нужно попытаться направить Петира на более здоровый путь, не оскорбляя его и не нанося непоправимый вред его психике...

Именно тогда я понял, что действовал на инстинктах Бриндена, и откинул голову назад в сердечном приступе смеха. Смех лился из меня на долгую минуту, прежде чем я смог его обуздать. Когда я это сделал, то заметил, что Петир пристально смотрит на меня.

— Вы легкомысленно относитесь к моей боли, сир?

В его фразе чувствовался малейший проблеск человека, который будет держать обиду в течение двадцати лет и убивать людей с улыбкой. Ощущался самую малость.

Но, честно говоря, по большему счету это был всего лишь влюбленный подросток, пытающийся сделать угрожающий взгляд, который отразился прямо от толстой кожи Черной Рыбы.

— Ты всегда был умным парнем, Петир. И только такой умный парень, как ты может завязать себя такими узлами. Дело не в Кэт.

"Конечно, дело в ней! Я люблю ее!" Петир стоял, сжав кулаки, словно не знал, что с ними делать. "Настоящая любовь! Она должна была быть как в сказках..."

Черт возьми, он был готов заплакать.

Дело в том, что Бринден знал Кейтилин. Она была членом его семьи, но он мог смотреть на нее объективно и видеть, что она была симпатичной. Влюбленный мужчина может с полным основанием считать ее красивой. Она была достаточно приятной компанией. Но она не была каким-то душераздирающим, похищающим сердца воплощением красоты, способным разрушать жизни и свергать империи. Реакция Петира была совершенно непропорциональной. В один момент я поблагодарил высшие силы, что каким бы дерьмовым ни был этот мир, в нем еще не было доступа к эмо-музыке

«Сказки… ты считал себя рыцарем из сборника историй, победившим зло благодаря чистоте своего сердца. Дам тебе идею: Разбей себе башку об эту башню. Или кинься с этой башни?»

Он вздрогнул. Все мои инстинкты из Бриндена были совершенно ошеломлены при мысли о том, что кто-то убьет себя из-за того, что проиграл Кейтилин, но я справился с этим.

— Только потому что, этот мир несовершенен, в нем не стоит жить? Черт возьми, Петир, я думал, ты умнее.

Он разжал кулаки и снова стал смотреть на меня кинжальным взглядом. «Вы ничего не знаете о моих страданиях».

У него действительно была своя четкая точка зрения. Бринден Талли прожил до смешного волшебную жизнь. Больше всего он сожалел о том вечере, когда ему удалось устроить романтическое свидание с двумя разными женщинами, но каждая из них была доступна только в один и тот же час ночи. В конце концов, он смог трахнуть только одну из них.

Тихими ночами Бринден все еще предавался задумчивым мыслям о Мисси, той, с кем не удалось переспать. Ему также пришлось столкнуться с раздражением брата, пытающегося наконец его женить. Ни одна из этих историй, похоже, не вызвала бы большого сочувствия у беспокойного подростка передо мной.

«Эти истории, те о храбрых рыцарях, которые побеждают прекрасную девушку… в них есть доля правды. Но они никогда не дадут тебе полной картины мира», — сказал я, указывая на прорезь для стрел в стене. «Ты мрачно смотришь на обрывки чьей-то жизни, словно сквозь эти бойницы. И видишь лишь те моменты, о которых они хотят тебе рассказать. Но ты не знаешь, что этому рыцарю из сказки надрали задницу двадцать раз, прежде чем он, наконец, одержал верх, и получил девушку».

"Что ты хочешь сказать?"

По крайней мере в Петире проглядывалась толика любопытства, не совсем погребенного под потоком жалости к себе.

«Я хочу сказать, что ты не знаешь, какими будут самые яркие моенты ТВОЕЙ истории, пока она не закончится. Значение всего, что произошло до сих пор, может измениться — изменится — в зависимости от того, что произойдет в будущем», — сказал я.

Вывод из этого был очевиден: через двадцать лет это дерьмо с Кэт может не показаться чем-то особенным. Однако, если бы я сказал это прямо, он определенно снова начал бы ссаться и стонать, а это означало, что лучше бы бы закончить какой-нибудь мудростью из печеньки с предсказанием, вроде «Это мы определяем себя каждый день».

Казалось, что мысль о чем-то, кроме Кейтилин, немного выбила Петира из его скорлупы. Я видел, как в нем произошли перемены, когда он начал заново взаимодействовать с внешним миром. Когда он снова посмотрел на меня, часть лихорадочного блеска ушла из его глаз, сменившись острым вопрошанием, которое я так хорошо помнил из его детства.

— Что ты вообще здесь делаешь? Это ужасно долгая поездка только для того, чтобы произнести вдохновляющую речь перед опальным подопечным.

«Веришь или нет, но я беспокоился о тебе. Война занимала у меня слишком много времени, чтобы что-то с этим поделать», — сказал я. «Но ты прав. У меня действительно есть скрытый мотив».

Я сделал паузу, чисто для драматического напряжения. Петир отвернулся, делая вид, что ему все равно, но я слишком много раз видел у него это выражение в его детстве — обычно прямо перед тем, как он срывал со стола на кухни последнюю конфету и убегал, — чтобы это меня одурачило.

«Кстати о жизни как об истории… Я решил дать тебе шанс сделать большой шаг в этом направлении».

http://tl.rulate.ru/book/84671/2718381